

— Сможет, — ответил Лю Сюаньань. Но вид только что разыгравшейся бури, с камнями и песком, честно говоря, не оставлял надежд на чьё-либо спасение.

Лян Шу не знал, плакать ему или смеяться. Он дёрнул за ленточку в волосах собеседника, потом вспомнил, что Гао Линя нет рядом — никто не увидит, — и дёрнул ещё раз.

Вот в таком совершенно несерьёзном виде они и добрались до покойницкой. Ду Цзина уже раздели и накрыли белым полотном. Лю Сюаньань надел перчатки и маску, жестом предложив Лян Шу прикрыть нос и рот, после чего откинул ткань.

На теле Ду Цзина тоже вздулись синие жилы, некоторые, если приглядеться, даже шевелились. На груди красовалась татуировка. Лю Сюаньань наклонился, разглядывая:

— Похоже на зелёного удава. Ваше Высочество, встречали такое раньше?

— Встречал, — ответил Лян Шу. — Учение Белого Благословения.

— Так он последователь Учения... Понятно, почему предпочёл смерть плену. Как-то раз мой старший брат, навещая друзей, подобрал на дороге едва живого мужчину. Потом из него извлекли не меньше двадцати видов гу[*]. Но человек всё равно умер. Говорят, так Белое Благословение расправляется с предателями.

Лян Шу не отрывал взгляда от татуировки:

— Это ещё одна головная боль моего брата-императора.

Изначально Учение Белого Благословения было распространено лишь в горных районах юго-запада и не представляло серьёзной угрозы, поэтому двор поручил разобраться местным чиновникам. Но в последние годы ересь внезапно набрала силу, посеяв смуту в нескольких приграничных городах. Последователи действовали скрытно, осторожно, как мыши, при малейшей опасности тут же скрываясь в своих логовах. К тому же леса на юго-западе густые, повсюду стелется ядовитый туман — искоренить секту полностью очень сложно. Двор тоже ломает над этим голову.

— До Города Алых Облаков с юго-запада далековато, а щупальца дотянулись и сюда, — заметил Лю Сюаньань. — Испокон веков почти все лжеучения прикрывались именем высшей истины, добра и чистоты, на деле же лишь раздувая до бесконечности тёмные стороны человеческой природы. Учение Белого Благословения, похоже, не исключение. И, судя по всему, им уже мало одного юго-запада.

— После допроса я немедленно доложу обо всём брату, — сказал Лян Шу.

Лю Сюаньань взял скальпель, на мгновение сосредоточился, вспоминая описанные в книгах приёмы вскрытия, а затем уверенным движением рассек плоть.

Лян Шу никак не ожидал такой решительности. Он непроизвольно вздрогнул, и образ Поместья Белого Журавля в его глазах снова померк. Лю Сюаньань между тем уже остановился и позвал:

— Много гусов, Ваше Высочество не желаете взглянуть?

Лян Шу: «...»

Теоретически, внутренностей в человеке ограниченное количество, и князь Сяо на поле боя видал всякое. Но рассматривать их столь пристально ему ещё не доводилось. В довершение всего в комнате горело множество свечей, заливая ярким светом каждый уголок. Лицо второго господина Лю по-прежнему напоминало лик небожителя, но руки его были по локоть в крови, в пальцах он сжимал некий орган, а взгляд оставался удивительно чистым. Зрелище вышло до того жуткое, что у Лян Шу заняли виски. Ему стало не по себе, и почему-то захотелось смыть с этого человека всю кровь да отправить обратно в парящие среди облаков, кристально чистые миры трёх тысяч путей Дао.

Лю Сюаньань же почти не замечал окружения. Всё его внимание было поглощено телом. Он аккуратно складывал извлечённых гусов в подготовленные белые керамические сосуды. Их набралось около сотни. В какой-то момент он остановился, чтобы перевести дух, — в глазах потемнело.

Лян Шу спросил:

— Закончил?

— Нет, — ответил Лю Сюаньань. — Сладости есть? Я проголодался.

Лян Шу опешил: как можно хотеть есть, глядя на ЭТО?

— Голова кружится, — пояснил Лю Сюаньань.

— Передохни немного, — сказал Лян Шу. — Сними перчатки, переоденься. Я велю А-Нину принести поесть.

Лю Сюаньань кивнул. Когда не надо спешить, он всегда двигался неспешно, а сейчас, уставший и сонный, и вовсе замедлился. Медленно стянул перчатки, медленно снял маску, медленно вымыл руки и медленно поплёлся за князем Сяо.

Лян Шу подхватил его под локоть, не давая пошатнуться:

— Только что стоял ровно, а теперь еле ноги волочишь.

— Сейчас ведь не нужно ровно стоять, — ответил второй господин Лю, чья жизнь всегда колебалась между «надо — делай» и «не надо — не делай». Он сладко зевнул:

— Да и если б я тогда пошатнулся, мог бы и грохнуться прямо в... м-м?

На языке расплылась сладость. Что-то твёрдое.

— Ваше Высочество и сладости с собой носит?

— Глотай, — буркнул Лян Шу.

Лю Сюаньань с хрустом раздавил зубами кусочек — арахис с грецким орехом, ароматно.

— Конфеты для коня, — добавил Лян Шу.

Лю Сюаньань не поддался на подначку, продолжая хрумкать:

— Тёмный цзяо сладкое не ест.

Лян Шу протянул ему ещё кусочек:

— Опять из книжек вычитал?

— Нет, — покачал головой Лю Сюаньань. — Я его в дороге несколько раз угощал.

Лян Шу: «...»

И когда это успел?

Боевой конь для полководца — почти что вторая жизнь на поле брани. Поэтому тренеры с юных лет приучают скакунов не брать пищу от чужих, чтобы враг не смог этим воспользоваться. Тёмный цзяо же был осторожнее обычных коней, да к тому же от природы норовист и драчлив. На северо-западных пастбищах он покалечил немало конюхов, пытавшихся к нему подойти, а Чэн Суюэ и вовсе однажды чуть не лишилась ребра.

Лян Шу нахмурился:

— Ты его в дороге несколько раз кормил?

Лю Сюаньань прислушался к сладкому послевкусию на языке:

— Угу. Лепёшками из сои и редьки, с травами. А-Нин сам замешивал, это вообще-то ночной корм для жеребёнка.

Жеребёнком звали рыжую кобылку Лю Сюаньяня. Нравом она пошла в хозяина — такая же неторопливая, а недавно ещё и растолстела, так что при беге вся тряслась. Такую неказистую, бесполезную толстушку, полагал Лян Шу, Тёмный цзяо должен был бы презирать. Он спросил:

— И зачем ты кормил моего коня?

— Я его не кормил, он сам выпрашивал, — пояснил Лю Сюаньянь, потягиваясь. — Но Ваше Высочество может не беспокоиться. Я знаю, что рацион боевого коня — дело серьёзное, поэтому каждый раз давал лишь крошку, меньше двух укусов. Если и это недопустимо, я велю А-Нину больше не угощать.

Лян Шу подумал, что тут явно нечисто. Как вышло, что все в резиденции князя Сяо — от людей до коня — стоило этому сонному небожителю появиться, как менялись в лице? Чэн Суюэ ещё ладно: девушка молодая, при виде красивого мужчины могла и смягчиться, это объяснимо. Но что вдруг нашло на Гао Линя и Тёмного цзяо? Князь Сяо даже начал подозревать, что в одном из трёх тысяч миров существует некое измерение, где учат накладывать чары — кто знает, в древности ведь умерло немало старцев с белыми бородами, мог и зловредный среди них затесаться.

Зевая, Лю Сюаньянь отправился переодеваться. Спать хотелось нестерпимо, но и голод давал о себе знать. Под гнётом этих двух напастей движения его стали ещё медленнее. Лян Шу только что отдал у входа распоряжение страже позвать Чэн Суюэ, обернулся — а Лю Сюаньянь, накинув свободный халат, почти не открывая глаз, шагнул, наступил левой ногой на порог, правой — на левую и с глухим стуком растянулся на полу.

И замер, не шелохнувшись.

Лян Шу: «...»

Стражник поспешил помочь подняться:

— Второй господин Лю, всё в порядке? Может, в покои вернётесь, отдохнёте?

Тут как раз вернулся А-Нин с едой. В горах особого выбора не было: пара лепёшек да миска похлёбки. Завидев Лю Сюаньаня, сидящего за столом с затуманенным взором и в пыли, он глубоко вздохнул:

— Господин, вы опять на ходу заснули?

Тон его голоса красноречиво говорил, что второй господин Лю был в этом деле закоренелым грешником. А-Нин ловко вытер ему лицо и руки влажным полотенцем, сунул в пальцы лепёшку. Лю Сюаньань всё это время глаз не открывал. Лян Шу, наблюдавший со стороны, диву давался: с таким-то выражением лица его хоть сейчас в храм ставь на алтарь, тканью оберни — и будь себе статуя.

Когда Лю Сюаньань с закрытыми глазами управился с двумя лепёшками, сознание к нему почти вернулось. Он поднялся, огляделся и спросил:

— А где Ваше Высочество?

— Давно ушёл, — ответили ему. — Перед уходом велел вам хорошенько отдохнуть, выспаться, а уж потом в покойницкую возвращаться, а то как бы не рухнуть прямиком в объятия к Ду Цзину.

[*] Гусы — яд, отравы, гу (вид магического яда/порчи в древнекитайских поверьях, часто ассоциируется с насекомыми-паразитами). В контексте оставлен как «гу» или «гусы» для сохранения колорита, с пояснением в сноске при первом упоминании (здесь — в первом абзаце, где гу упоминаются впервые). В дальнейшем по тексту используется уже без пояснений.

<http://bllate.org/book/16268/1464150>